

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ г. МОСКВЫ
ЗЕЛЕНОГРАДСКОЕ ОКРУЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
ДО г. МОСКВЫ
ГБОУ ЦЕНТР ПСИХОЛОГО-МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Москва, 124683, Зеленоград, корп. 1554, тел./факс: 499-738-50-20, тел: 499-738-50-22,

e-mail: cpmss@1gb.ru, pmsc@zou.ru

Выдвижение на премию

монографии Богоявленской Д.Б., Сусоколовой И.А. «**Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж.Гилфорда**»

Зеленоградский Центр психолого-медико-социального сопровождения выдвигает на премию «Золотой психеи» монографию Богоявленской Д.Б., Сусоколовой И.А. «Психометрическая интерпретация творчества.

Научный вклад Дж.Гилфорда», поскольку в этой книге впервые в мировой научной литературе представлен во всем объеме процесс становления становления и развития подхода Дж. Гилфорда в контексте становления самой тестологической парадигмы. Научно-практический вектор монографии лежит в плоскости разрешения проблемы методологического основания психологии творческих способностей детей и подростков и их развития. На сегодня это направление можно отнести к разряду наиболее актуальных тем современного образования и одновременно сложных, запутанных и противоречивых разделов психологической науки.

Богоявленская, не отступая от академической формы изложения, всегда стремится быть понятой, прежде всего, практическими психологами, искренне пытающимися разобраться как в вопросах методологического основания творческих способностей, так и в вопросах выбора диагностических средств и тактик психолого-педагогического сопровождения одаренных людей.

В своих работах она одна из первых в отечественной психологической науке подвергла всестороннему и критическому анализу работы Дж. Гилфорда, связанные с креативностью, которые, к сожалению и сегодня популярны в нашем образовании. Принципиально, что критика «отца» дивергентности Д.Б. Богоявленской никогда не носила «частного» характера. Она прозорливо предупреждала, что если психологи искренне уверуют в то, что главное в формировании творчески одаренной личности — научить человека нестандартному мышлению, умению генерировать оригинальные, необычные идеи, то их поджидает стратегически - целевая опасность. Упор на создание необычного, ни у кого не встречающегося продукта, стимулируя фантазию,

может тормозить развитие, в первую очередь, теоретического мышления – одного из основных компонентов творческой индивидуальности. Увы, мы видим, что простота тестов на креативность для многих психологов оказалась Гроянским конем, так как на практике привела к противоречиям результатов диагностики и реальности, к пониманию того, что высокие баллы по тесту далеко не всегда говорят о высоком творческом потенциале испытуемого. Благодаря практическим пособиям Д.Б.Богоявленской и личным контактам с ней в течение десяти лет нам удалось избежать подобных ошибок. Однако, в этот диагностический тупик и сегодня «заплывают корабли» не только любителей, но и профессиональных психологов, ищущих одаренных детей. Это обстоятельство делает научные труды Д.Б.Богоявленской по-прежнему актуальными.

В ситуации, когда в течение полувека теоретические представления Дж. Гилфорда внедрились в сознание наших ученых, а практика образования и отбор одаренных людей и сегодня использует его тесты по всей стране, раскрытие реального содержания позиции Дж. Гилфорда – была одной из главных задач Дианы Борисовны Богоявленской, с которой она вместе со своей ученицей блестяще справилась.

Системные основания и параметры разработки теории определяют модуль оценки вклада научных достижений ученого в соответствующую область знаний. Именно поэтому авторами столь подробно описана история и путь, по которому шел Дж. Гилфорд, создавая свою теорию креативности. Это особенно ценно, т.к. большинство сегодня живущих ученых и практиков, использующих его диагностический инструментарий, не знают, а порой и не имеют возможности оценить ту историческую ситуацию и тот далеко не прямой путь, по которому шел ученый к формулированию своей гипотезы. В монографии подробно и точно показано какое решающее влияние на формирование научной позиции Гилфорда оказала психометрическая теория, не просто главенствующая, а являвшаяся единственной парадигмой количественной оценки человеческой познавательной продуктивности.

Авторы точно определили основание научной школы Гилфорда. Они подчеркнули, что теоретическая основа научной позиции Гилфорда сформировалась под влиянием концепции ассоцианизма, заложенной Гальтоном в фундамент психометрической парадигмы, и взгляда Титченера на соотношение структуральной и функциональной психологии. Стимульно – реактивная схема эксперимента и аппарат факторного анализа определяли, по Гилфорду, необходимое методическое оснащение измерительного подхода. Именно поэтому, как «ортодоксальный» психометрик, он строго опирался на каноны этой парадигмы и неукоснительно следовал им в своей исследовательской работе. Авторы монографии показывают «невидимую миру драму» честного ученого, утверждавшего, что у него не было амбиций построения общепсихологической теории. Но именно как последовательный и

добросовестный исследователь он закономерно и неизбежно пришел к ней. Интересно и крайне важно, с точки зрения задачи, которую ставили перед собой авторы показать, «вскрыть» и то негативное отношение, которое было у Гилфорда к теоретикам. Оно действительно «оправдывалось» его позицией чистого эмпирика: его видение и понимание предмета исследования определялось тем непосредственным опытом, «до которого позволял добраться метод», а теория представлялась упорядочиванием сырого эмпирического материала и строилась сообразно возможностям метода. И в этом была его трагедия: он попал в «методологическую ловушку» - легко объединяя формализуемые показатели из любой концепции, Гилфорд не только совместил количественные оценки признаков из бихевиоризма, гештальтпсихологии, но и предложил формализацию протекания мыслительного процесса. Его модель решения проблем эклектично сочетала в себе и ассоциативное вспоминание, и «пробы и ошибки», и подчиненность цели («детерминирующая тенденция») в различных сферах психического функционирования: чувствительность, восприятие, внимание, память, когнитивные проявления, мышление, креативность. Более того, и во всех аспектах: исполнительном, оценочном, продуктивном. Лишенная субъекта деятельности эта формальная схема подразумевала, что данная задача с заданными требованиями однозначно детерминирует цель деятельности решающего ее человека (какими бы личностными особенностями он не обладал) и определяет последовательные этапы протекания мыслительных процессов. Эта модель – модель возможно неплохой компьютерной машины, лишенной главного параметра, реализующего творческое начало в человеке – его личности. Эта модель не допускает выхода за ее пределы внешне заданного.

Авторы показали центральное «слабое звено» психометрического подхода – опору лишь на формальные показатели, следствием чего и стала потеря содержания, содержательная неопределенность его базовых терминов - «дивергентная продуктивность или мышление». Психологическое содержание терминов просто заимствовалось из описания предмета деятельности, а такой подход не мог в принципе предложить содержательной трактовки какого-то психического феномена.

Авторы подчеркивают, что Гилфорд понимал неэффективность использования объяснительного принципа ассоциаций в интерпретации механизма креативности, но, не располагая альтернативой, он, следуя современным веяниям, попытался привлечь в психологию термины новой в то время информационной теории. Авторы показали, что и в этом виде психометрический подход Гилфорда моделировал в вероятностных терминах лишь формальные признаки психической реальности, которые были заимствованы из концепций, рассматривающих поведение исключительно по стимульно – реактивной схеме

Авторы подробно описали эволюцию, которая происходила во взглядах ученых на выдвинутую теорию Гилфорда. Они также показали, что, в виду

отсутствия содержательных признаков изучаемых явлений вполне предсказуем был и характер критики со стороны коллег – психометриков: направленная, прежде всего, на использованный Гилфордом инструмент, она коснулась и концептуализации креативности, и ее представленности в модели СИ.

Авторы справедливо отметили, что отвергая осторожность и став «заложниками правительственного заказа», психометрики разработали явно «сырые» способы ранней идентификации научных и технологических талантов». Более того, авторам удалось, опираясь на критику ведущих психологов, работающих в этой парадигме, показать, что предлагаемые Гилфордом, Торренсом и др. способы никак не коррелировали с теми же заявленными целями «интенсивного тренинга талантливых детей в науке и сопутствующих дисциплинах и стимулирования их к выбору карьеры в национальных интересах», и в итоге, так и не привели к формированию «поколения высших талантов».

Обращаясь к современному читателю, авторы показали существование определенных параллелей с днем сегодняшним, и в этой связи отметили два важных момента. Во-первых, природа тестолога – статистического подхода обязательно требует вклада армии исследователей, необходимой для охвата очень больших выборок и массовой «обкатки» любого инструментального нововведения. Если полученные в разных исследованиях эмпирические результаты согласуются, то установленный факт и его интерпретация считаются общепринятыми. Если не согласуются, их изучение откладывается до разработки нового усовершенствования психометрического аппарата.

Во-вторых, не случайно, что педагогические психологи составили авангард последователей Гилфорда. Практически занимаясь отбором потенциально креативных детей и их развитием, именно практические психологи наиболее остро испытывали нужду в эффективных методах установления признаков этой высшей духовной способности и специфики ее проявлений в детском возрасте. Креативные батареи тестов Гилфорда, Торренса и их последователей были просты, удобны, а потому так легко, быстро и масштабно заполнили имеющийся в этом направлении методический вакуум, став, как и тесты на IQ, ловушкой для практических психологов во всем мире на долгие годы.

Авторы показали и другую опасность, стоящую за теорией дивергентного мышления. Эта идея заставила пересмотреть консервативные формы педагогической практики, которая, по всеобщему убеждению, «душила креативные изъявления» (Feldman, Csikszentmihalyi, Gardner 1994) Но воспринятая буквально, она воплотилась в мерах непосредственного «ослабления оков свободного самовыражения». К сожалению, в этом подходе не предусматривался жизненно важный и необходимый этап долгой и кропотливой работы по развитию интеллектуальной и воспитанию эмоционально – личностной основы креативного самовыражения. Без сформированного на познавательном базисе духовного ядра личности,

содержащего ее сущностные свойства, самовыражение превращается в спонтанное фонтанирование оригинальности как вычурности.

Сообразно роли исследований креативности в «долгожданном отходе от традиционного пошагового обучения», ценность «индивидуального самовыражения» возобладала над «социальной ответственностью» (Clifford 1964). Программы для детей и взрослых «усиливающие креативность» стали очень популярными у американцев не по «державным соображениям», а потому, что каждый гражданин стремился к эффективному достижению большего удовлетворения жизнью и работой. Тренинги повышения креативности подгонялись под интересы персонального и корпоративного выигрыша в условиях соперничества (Parnes 1967).

Не смотря на название своей книги, авторы не ограничились историческим обзором и анализом слабых мест теории креативности ДЖ. Гилфорда. Они прекрасно осознавали, что дать объективную оценку преимуществ и недостатков рассмотрения явления в одной парадигме можно только «со стороны», с позиций другой парадигмы. Поэтому в работе проведено сопоставление психометрической интерпретации креативности с пониманием творчества в рамках процессуально-деятельностной и культурно-исторической парадигмы. Это особенно важная и ценная часть книги - в ней изложено теоретическое определение и обоснование существования творчества авторов. В первую очередь это касается выделения единицы психологического анализа творчества – «интеллектуальной самодеятельности» (инициативности), сформулированной Д.Б. Богоявленской впервые еще в 1971 году. Кроме этого, ею было дано теоретическое определение, вскрывающее существо этого феномена, как «самодвижения деятельности», приводящего к выходу за пределы заданных ситуативных требований.

Глубоко аргументируя и методически корректно отстаивая эту точку зрения на феномен творчества, авторы выполнили следующую достаточно трудную задачу – задачу пошагового критического сопоставления основных составляющих двух точек зрения на феномен творчества, подробный и объективный показ преимуществ концепции творчества и метода «Креативное поле» перед возможностями тестолога – статистического подхода.

В заключение, хочу отметить, что крайне важной для выстраивания программ психолого-педагогического сопровождения, с которой полностью солидарен, является следующая точка зрения авторов монографии на принципы развития творческой личности. Они подчеркивают, что отсутствие понимания существования феномена творчества и опора лишь на эмпирически фиксируемые признаки, предположительно отнесенные к креативности, сводит педагогические воздействия к стимуляции и тренировке отдельных операций. Формируемая в таких условиях соперничества мотивация (стремление к победе любой ценой), пагубно сказывается на воспитании любви к делу, преданности идее – качеств, определяющих творческую личность. В силу

